

Сайбулова Ардак Жумабаевна, Жаглова Татьяна Михайловна

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ОЧЕРКОВ В. Г. КОРОЛЕНКО "У КАЗАКОВ"

Статья посвящена изучению художественного своеобразия очерков В. Г. Короленко "У казаков", особенностей их проблематики и поэтики. Специфика подачи материала в так называемом путевом очерке рассматривается, исходя из характерного для данного произведения Короленко синтеза художественно-публицистических начал, позволяющего ему творчески интерпретировать документальный материал. В основу изучения очерка "У казаков" положен сравнительно-типологический анализ, позволяющий привлечь широкий историко-биографический контекст: ранние наброски и варианты, мемуарные и дневниковые записи Короленко и его современников. Особое внимание в работе уделено исследованию эскизности, фрагментарности повествования, актуальным для развития русской прозы начала XX века, способствующим созданию как индивидуального, так и коллективного образа уральцев.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-3/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 3. С. 53-57. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

PERSONALITY CONCEPTION IN ORHAN PAMUK'S NOVELS

Repenkova Mariya Mikhailovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Lomonosov Moscow State University
mmrepenkova@rambler.ru

The article considers the personality conception in the novels of one of the major Turkish post-modernistic writers Orhan Pamuk. Turk's archetypal elements realized in simulation images are examined by the example of the personage of writer's last but one novel "A Strangeness in My Mind" (2013). The analysis of quotation codes constituting simulacrum image indicates that personality structure is associated in the novel with national archetype and considered as unstable, changeable, and dual in its essence. The light, positive aspect of an archetype is represented by the codes of the Eastern (Turkish) culture focused on sensual, unconscious element. The dark, negative aspect is emphasized by the codes of the Western culture representing rational worldview. Continuous struggle of two opposite forces in Pamuk's personage unbalances and annihilates his personality which on the whole satisfies the conception of "personage's death" in post-modernistic ryzomatic textual space.

Key words and phrases: Turkish post-modernism; Orhan Pamuk; "A Strangeness in My Mind"; textualization of space and human; travesty game; personage- simulacrum.

УДК 8; 82-4

Статья посвящена изучению художественного своеобразия очерков В. Г. Короленко «У казаков», особенностей их проблематики и поэтики. Специфика подачи материала в так называемом путевом очерке рассматривается, исходя из характерного для данного произведения Короленко синтеза художественно-публицистических начал, позволяющего ему творчески интерпретировать документальный материал. В основу изучения очерка «У казаков» положен сравнительно-типологический анализ, позволяющий привлечь широкий историко-биографический контекст: ранние наброски и варианты, мемуарные и дневниковые записи Короленко и его современников. Особое внимание в работе уделено исследованию эскизности, фрагментарности повествования, актуальным для развития русской прозы начала XX века, способствующим созданию как индивидуального, так и коллективного образа уральцев.

Ключевые слова и фразы: В. Короленко; очерк; эскизность; детализация; пейзаж; портрет; характер; тип; хронотоп; интерпретация.

Сайбулова Ардак Жумабаевна
Жаглова Татьяна Михайловна, д. филол. н.
Оренбургский государственный университет
ardak56@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ОЧЕРКОВ В. Г. КОРОЛЕНКО «У КАЗАКОВ»

Очерк В. Г. Короленко «У казаков» был опубликован осенью 1901 года в десятом-одиннадцатом номерах журнала «Русское богатство». Изначально, в журнальном варианте, произведение содержало тринадцать глав, повествующих о некоторых значимых этапах истории становления уральского казачества и, прежде всего, роли казаков в восстании под предводительством Пугачева.

Именно предельно точное, детализированное освещение В. Г. Короленко жизни уральских казаков позволило С. С. Фолимонову назвать его «Колумбом» казачьего Уральска [10].

Идея создания очерка возникла у автора не сразу: в 1891 году в Уфе он изучал исторические документы о сподвижниках Емельяна Пугачева. Тогда же В. Г. Короленко заинтересовался и личностью самого мятежника, осмысливая замысел романа «Набеглый царь», но его активная публицистическая и общественная деятельность заметнo отсрочила начало работы над исторической прозой. К замыслу «пугачевского» произведения писатель вернулся намного позже, после посещения в 1900 году Уральска – колыбели возникновения и развития крестьянского восстания, воспользовавшись представившейся возможностью поработать с документами в городском войсковом архиве.

Уже собираясь в путь, Короленко так объяснял одному из друзей цель своей поездки: «Попытаться собрать еще не вполне угасшие старинные предания, свести их в одно целое и, быть может, найти среди этого фантастического нагромождения живые черты, всколыхнувшие на Яике первую волну крупного народного движения» [6, с. 433].

К тому времени в литературе и истории уже сложился образ жестокого «лжецаря», который воспринимался писателем как слишком схематичный и «однобокий», что его категорически не устраивало. Короленко сконцентрировался на осмыслении истинных мотивов поступков Пугачева, намереваясь осветить характерные для народного заступника черты.

В личности Пугачева Короленко открыл для себя одновременно и романтическое, и в то же время трагическое начало, что, по мнению писателя, предопределило исход его деятельности. Короленко-публицист поставил перед собой масштабную задачу: объективно отразить этапы формирования личности героя «из народа»,

отдавшего жизнь за поистине эпохальное дело – объединение вчерашних врагов. Короленко-писатель создал систему ярких образов бедняков – представителей различных народов: казаков, татар, казахов, башкир, не только преодолевших различия и вражду ради участия в общем деле, но и выступивших во время мятежа как единое войско, последовавших за «царем-освободителем» от горя, нужды и страдания.

По мнению С. С. Фолимонова, Короленко в романе «Набеглый царь» решал еще одну, не менее актуальную задачу выявления генезиса пугачевского «самозванства», которое он считал исконно русской чертой [9, с. 179].

Поездка прошла плодотворно: В. Г. Короленко собрал значительный фактический материал, достоверность которого не подлежала сомнению. Но, несмотря на основательно проведенную подготовительную работу, роману о «пугачевщине» не суждено было появиться. Полученные материалы послужили основой для художественно-публицистических произведений – очерков «У казаков» и замечательного образца «малой» прозы писателя – повести «Пугачевская легенда на Урале».

Современник Короленко Ф. Д. Батюшков в цикле очерков «У казаков» отмечал среди прочих удач автора эпический охват событий, яркий, неповторимый стиль повествования, чудесные картины природы, открывающие читателю неброскую прелесть уральских пейзажей [1].

Однако и это не смогло впечатлить читателя, о чем свидетельствуют как мемуарные записи самого Короленко, так и, например, мнение А. Н. Евстратова, изучившего биографический контекст, связанный с самим фактом создания и бытования очерков «У казаков», воспринятых читателем лишь с позиций их этнографической ценности [4, с. 3].

Последующие исследования показали, что В. Г. Короленко выстраивает сюжет, исходя из первостепенной для себя задачи – создания психологического портрета народной массы, «толпы» (в нашем случае – уральцев), преломленной через личность Емельяна Пугачева, порожденного тревожным временем и средой. Герой, по мнению автора, не может существовать отдельно от народных масс, он – органичная часть своей социальной группы; в бедняцкой среде он сформировал ненависть к сиятельным вельможам и бунтарские настроения, не позволяющие ему смириться с дальнейшим закрепощением и обнищанием простого люда. Будучи для автора наиболее ярким представителем народных масс, Пугачев воплощает в себе как наиболее характерные, так и типичные для них черты, проявляющиеся и в сценах мирной жизни, и во время сражений. Реалистическую достоверность происходящему сообщают порой мельчайшие детали-подробности, появляющиеся в процессе художественного переосмысления писателем его наблюдений за уральской казачьей общиной, признавшей в Пугачеве царя.

Приступая к воссозданию событий далекой исторической эпохи, Короленко намеренно строит повествование, основываясь на взаимопроникновении романтической и реалистической поэтики. Именно в синтезе приемов он отражает процесс формирования в обыденной среде незаурядного человека, его зреющий протест против социального неравенства в обстановке дальнейшего углубления противоречий самодержавно-крепостнической системы, акцентируя внимание на типичном для своего времени, но новаторском для традиционного романтизма приеме: он не противопоставляет «героя» «толпе», а соединяет их в неразрывном единстве, обнаруживая почву для появления «народного заступника» – Пугачева.

Реалистические принципы «историзм» и «народность» способствуют созданию в очерках «У казаков» панорамного полотна России второй половины XVIII века, в изображении которой ведущая роль, по мнению Рафаила Григорьева, отводится автором изучению «движений масс, представляющих “живую силу”» [2, с. 83].

В. Г. Короленко отражает основной конфликт «дворянской» эпохи не только в эпизодах масштабных сражений и вылазок в стан врага, – по мнению писателя, он не менее ярко запечатлен в противостоянии отдельных личностей, чьи предельно индивидуализированные образы воссозданы в очерках исторически точно и воспринимаются органичной частью группового портрета казаков.

Во многом опираясь на опыт своих предшественников, в первую очередь А. С. Пушкина, выступившего лучшим интерпретатором «пугачевских» архивов Москвы и Петербурга, неутомимым путешественником по местам шествия «Пугача» в окрестностях Оренбурга и Уральска, Короленко тщательно изучил исторические документы, прежде всего официальные бумаги Уральского войскового архива.

Осваивая исторический материал, Короленко искренне увлекся мельчайшими деталями повседневной жизни уральских казаков, принимавших активное участие в крестьянских волнениях, о чем свидетельствуют, например, его записи в письме к Ф. Д. Батюшкову, с которым писатель делился своими наблюдениями: «Это просто бесхитрое изложение впечатлений, встреч, картин степной природы...» [5, с. 184].

Очерки из цикла «У казаков» благодаря детализации погружают читателя в тщательно воссозданную атмосферу казачьей общины. Автор не только знакомит с особенностями уклада и быта, но и воспроизводит обстоятельства формирования внутренней политики, взаимоотношений казаков с властью, казаками, приезжими. В каждом очерке особое место занимают описание той или иной казачьей станицы, с характерными для нее особенностями, и красочные описания природы.

В. Г. Короленко в поездке использовал любую возможность познакомиться с теми людьми, которые сохранили легенды, предания, песни о «пугачевщине», что уже позже послужило основой для создания жанрово-бытового пейзажа и фольклорно-этнографического портрета в очерках «У казаков». Автор обращался к ретроспекции, перемежая современные события воспоминаниями казаков о былых временах, обращением к преданиям и легендам, чтобы выявить истоки героизма казаков, их предельно обостренное ощущение несправедливости, доведенной до апогея.

В построении сюжета обнаруживается прерывистость, он лишен плавности, поскольку с каждым очерком акценты смещаются в сторону нового героя, но тем не менее скреплен авторскими рассуждениями, придающими циклу законченность, и центральным образом-символом – казачьей общиной. Писатель поэтапно

раскрывает историю становления уральского казачества, останавливаясь на важных вехах его прошлого и настоящего, с тревогой и надеждой задумываясь о будущем.

Замысел создания романа «Набеглый царь» существенно повлиял на подачу материала в очерках «У казаков», отличающегося эскизностью изложения и размытыми границами единого сюжета, организующим началом которого служат авторские размышления Короленко. Здесь проявился художественный талант писателя.

Фрагментарность, сиюминутность позволили очеркисту уловить суть проблемы в конкретном случае и передать ее несколькими штрихами: «Поезд громыхнул по мостику и затем побежал вдоль небольшой речки, на отлогом берегу которой приютился степной хуторок. Несколько строений, несколько деревьев, ветряная мельница, две-три кибитки киргиз-пастухов, кучка скромных крестов на кладбище, как бы скрепляющем степную оседлость...».

Фрагментарная форма повествования не приводила к дисгармонии и неоднородности излагаемого материала. Автор своими размышлениями, отступлениями модерировал процесс, переходил от одного явления к другому.

В 12-м очерке Короленко концентрирует внимание на истории возникновения Илецкого войска: «Изюмский и Черкасов построили городок против впадения Илека в Яик». Далее автор упоминает следующего атамана – «загадочного выходца с венецианской фамилией Маркобунова». Автор использует вымысел, строит свои предположения о переносе станицы на левую, «бухарскую» сторону Урала: «Очевидно, илецкие поселенцы (после вероятной катастрофы) предпочли стать лицом к лицу с враждебной степью...». В тексте вовремя появляется «слезница» илецких казаков, в которой они жалуются на притеснения со стороны яицких казаков.

Эскизность (очерковость), по мнению З. С. Смелковой [8], указывает и на некоторую вольность изложения материала, «неприглаженность» текста. Как известно, очерки ограничены по протяженности, что заставляет автора выделить типическое, очертить главные контуры события, набросать портрет персонажей двумя-тремя мазками. Автор не может все явления расписывать в мельчайших подробностях. Он пытается передать суть факта, отметить главные черты.

Так, в 12-м очерке писатель после «слезниц» перешел к описанию бесчинств яицких казаков, всколыхнувших илечан накануне пугачевщины: «...в 1717 году атаман Тамбовцев прислал ордер, коим “приказал илецким казакам отнюдь без яицких казаков ловли (в своих же водах) не производить”». Такие требования не пришлись по душе илечанам. Присланный позже генерал Траубенберг лишь усугубил ситуацию. Начались беспорядки. Илецкие казаки встретили Пугачева с почетом, как настоящего царя. Этот короткий набросок позволяет узнать важнейшую причину вступления илецких казаков в ряды повстанцев.

Короленко в очерках прибегал к эскизности не только при передаче событий, пейзажей, но и при создании портретов. Легкие штрихи в описании казаков прекрасно передавали суть целостного образа персонажа. Так, в очерках появляется колоритная фигура казачьего бытописателя, патриота Иоасафа Игнатьевича Железнова. По словам автора, «это был патриот, романтик, страстно преданный казачьей родине, любивший до самозабвения ее боевое прошлое, ее предания, обычаи, песни, все особенности ее устоявшегося быта...». Эпиграфом в посмертном издании сочинений Железнова стали его слова: «Я, если разбирать меня с общей точки зрения, – гуманист, но коснись дело интересов казаков, я – эгоист. Я и днем и ночью, и наяву и во сне желаю, чтобы казак имел не только необходимое, но и лишнее. Киргиз же для меня – создание совершенно постороннее».

Конфликт яицких и илецких казаков проходил при активном участии Железнова. Он не добивался справедливости, а отстаивал притязания и исключительные права своей общины. В споре с оппонентами Железнов не обращал внимания ни на «единство происхождения и веры, ни братство по оружию». В небольшом эпизоде Короленко сумел раскрыть важнейшие черты личности бытописателя, его характера и убеждений.

Жизнь, по его мнению, представляет собой цепь фрагментов, увидеть и отразить которые – задача писателя. Короленко успешно с ней справился. Каждое событие, факт он рассматривал как часть целого. Поэтому внимание к этнографии, укладу жизни различных народов в его очерках – явление закономерное. Из этих эпизодов складывается цельный образ России. Следуя за автором, читатель погружается в обстановку современного для писателя Илека, который «уже очень мало напоминает бывший боевой аванпост Урала». Читатель открывает для себя мир большой станицы «с пятью с половиной тысячами жителей, из которых около двух пятых не казаки, а иногородние». Писатель намекал, что этот процесс будет форсироваться. Иногородних станет больше. Они начнут требовать особые права для себя, а казаки устои окажутся под угрозой исчезновения. Автор подробно останавливается на начинающемся процессе «расказачения». Он видел, что илечане занимаются выращиванием пшеницы, торговлей с киргизами, постепенно «оседают» и становятся мещанами.

Автор штрихами намечает важнейшие атрибуты жизни казаков в станице: «В Илеке – станичное управление, телеграф и почта»; «есть “общественное собрание”, гостиница и два биллиарда, на которых богатые киргизы мирно сражаются с торговцами и казаками».

Посередине городка тянутся лавки и палатки огромного илецкого базара с чрезвычайно разнообразной и живописной толпой. Казаки в форменных фуражках, казачки в старинных живописных сарафанах с парчовой оторочкой, мужики, мещане, торговцы, солидные татары. Покачиваясь над пестрой толпой и важно оглядываясь по сторонам, выступает верблюд, на горбе которого сидит киргиз в ватном халате, меховой шапке и под зонтиком. Наконец, пробираясь в густой толпе, едут и еще казаки, но уже в другой форме, с синими околышами».

Эскизность Короленко роднит его с художниками-импрессионистами, которые умели передавать тонкие нюансы, переходы, мимолетные впечатления, изменчивость, движение.

Эскизность повествования достигалась еще и тем, что в путевых очерках картины традиционно для жанра сменяют друг друга. Автор изображает мгновенные, как бы случайные зарисовки, сценки. В 12-м очерке читатель становится свидетелем одной из ключевых сцен всего цикла – спора «старого» и «нового» поколения

казаков в трактире «Плевна». Для большей убедительности в этом эпизоде автор в нескольких лаконичных штрихах передает манеру исполнения песен казаками, на которое окружающие реагируют, с трудом сдерживая чувство восторга и преклонения перед талантом. В эпизоде песенного соревнования автор передал тончайшие переливы голосов, переживания героев. Молодежь исполняет произведение «громко и разухабисто», «с развязной удалью и цинизмом», тогда как о стариках автор отзывался с теплотой: «Старый, приятный, дрожавший сначала тенор Юносова окреп и зазеленел слезами и тоской старинной думы... Стены трактира опять будто раздвинулись, и опять влились в них отголоски степи. Каюрчей, сдвинув лохматые брови, пристал к Юносову, и печаль старой песни полилась ровным могучим потоком...».

Казаки предстали не только в своих индивидуальных чертах, но и как единый хор, в котором их голоса сплелись воедино. Значение данного спора выходило за рамки единичного, становилось частью более широкого и задушевного размышления о судьбах народа. В нем воплотились задушевные мысли и чаяния писателя о прошлом, настоящем и будущем уральского казачества.

Оренбургский исследователь творчества Короленко Н. Е. Прянишников указывает на то, что писатель во время работы над очерками «У казаков» неоднократно обращался к приему художественных обобщений, раскрывая тем самым наиболее существенные и характерные стороны изображаемого и сохраняя их неповторимость [7].

В очерках Короленко раскрывались многие социально-значимые проблемы: нищета, бесправие (спор уральской и илецкой общин, налог на право ловить рыбу, хищничество войсковых воротил), беспомощность бедных казаков (борьба с хищением денег, «наемка»), столкнувшихся с произволом властей («войсковой подарок», сжигание плетней), народные поиски истинной веры (вставная новелла «Путешествие уральских казаков в Беловодское царство»). Чтобы понять причины актуальных проблем, Короленко наблюдал за множеством явлений, собирал мелкие факты, обобщал их. Писатель исследовал языки общества, вскрыл их сущность, точно описал места (станции, здания), обратился к различным сторонам российской действительности. Он создал яркую галерею живых человеческих типов, характеров, героев (Пугачев, Устинья Кузнецова, Хохлачев, Тушканова, Григорий Хохлов, косцы, бабушка Душаря, Иоасаф Железнов, свистунцы, Давид Бородин, «архиепископ» Аркадий, переселенцы, Щапов, Юносов, Каллистрат, «каюрчей», Ирджан Чулаков, Чингисхановичи и т.д.).

В интерпретации Короленко исследовательский материал неизменно превращался в настоящее художественное полотно. Очеркист говорил о прошлом сквозь призму современности, поднимая актуальные, волнующие общество проблемы: борьба «старого» и «нового», пути развития казачьей общины, поиски веры. Достигалось это путем авторских рассуждений, отступлений публициста в документальном, фактографически точном произведении. Короленко выявлял общие, наиболее типичные признаки времени (тревожное ожидание перемен, «рассказачение»), создавал образную картину действительности прошлого и настоящего (вставки). В этом ему помогали не только исторические факты, легенды, предания, но и реальные документы из архивов, поездки по местам, где происходили известные события, встречи с очевидцами или местными жителями, которым передавались знания о восстании от поколения к поколению. Отталкиваясь от фактов исторической действительности, Короленко тем не менее не становился бытописателем, предлагая читателю свою, творческую, высокохудожественную интерпретацию.

Художественность в очерках достигалась путем тщательного отбора фактов и их интерпретации, вымысла автора. Короленко оценивал явления (например, сочувствовал Устинье Кузнецовой, ставшей супругой Пугачева при живой жене). В образах казаков Короленко предполагал изобразить весь русский народ, нещадно притесняемый властями, альтернативой для которого, в его понимании, стала казачья община – живой организм, где каждый играет определенную роль. Изображая жизнь казаков, автор показывает закономерности становления народного характера, что обнаруживает связь с общекультурным процессом. Образы уральцев вышли достоверными благодаря подробным описаниям внешнего вида, речевой характеристики с использованием этнографических элементов.

Важнейшая задача очерка во все времена – анализ методами художественной литературы различных пластов современного общества, изображение характеров, конфликтов, проблем.

Деятельность журналиста, публициста, откликающегося на злободневные вопросы общества, позволяла писателю тонко чувствовать и ощущать, какие изменения неизбежны. Он фиксирует различные этапы формирования и разложения казачьей общины, уходящей в прошлое со своим укладом и традициями. Внешне цельная, в реальности раздираемая внутренними противоречиями, она постепенно становится ностальгическим, идеальным образом, как и «вольная степь», теперь не такая уж и вольная.

Обращаясь к русской истории, В. Г. Короленко не только структурировал эпизоды, определяя особое место каждого из них в композиции, но и в большинстве случаев он анализировал, давал оценку положению бедных казаков. Так, при въезде в Уральск он встретил казака, работающего на «рыбопошлинной заставе». Писатель назвал его «Суворовым» за то, что у того существовала своя, особая тактика «с уважением» по сбору платы за провоз рыбы. Когда Короленко возвращался обратно, он хотел снова увидеть этого старика, но: «...его – увы! – уже не было».

В данном произведении писатель воспевае старь, архаичный уклад жизни казаков и поэтизирует сменяющий его, вскрывая причины неизбежного конфликта поколений. Писатель гармонично соединил разное время и эпохи. Как искусный повествователь, Короленко наблюдателен. Он не только подмечает характерные для современного общества черты, но и передает атмосферу далекой «пугачевщины», попеременно фокусируя внимание то на идеализируемых общинных отношениях, то сопереживая губительной для народа иерархии на социальной лестнице, уходящей в далекое прошлое.

К пережиткам прошлого Короленко относит межнациональную рознь, проявления которой воссозданы, например, в одном из очерков, посвященных 89-летнему казаку Ананию Хохлачеву, охарактеризованному соседями как человек любознательный. Несмотря на то, что времена открытой вражды с ордынцами прошли, старик их ненавидел до сих пор, называя киргиз «вредными», «кыргызинами», «подлыми».

Хохлачев поведал писателю, как они боролись с киргизскими набегами:

«– Усмирили мы их... Помню я еще Давыд Мартемьяновича... Вот усмирял кыргызы, ай-ай! Бывало, чуть что – берет сотню казаков, айда в степь на аулы...»

<...>

– Так они чего делали, кыргызы-то... Видят – беда неминуемая, сами кто уж как может измогаются, а ребятишков соберут в какую ни есть самую последнюю кибиточку да кошмами заложат... Значит – к стороне... Ну, казаки аул разобьют, кибитку арканами сволокут, ребятишки и вывалются, бывало, что тараканы...

– И что же?

– Да что: головенками об котлы, а то на пики...».

Вымысел, исторические факты, вставки (так называемый «рассказ в рассказе») помогали Короленко сужать или раздвигать рамки события, свободно переносить границы хронотопа. Писатель глубоко ощущал связь времен.

Нельзя не отметить, как автор передавал свое отношение к тому, что казаки и в прошлом, и в настоящем верили в истинное царство, «обетованную землю», где есть справедливость, где «нет обману, грабежу, убийства и лжи нет же, но во всех едино сердце и едина любовь».

В ходе исследования нами были рассмотрены особенности творчества Короленко при создании цикла путевых очерков «У казаков».

Писателю удалось изобразить историю уральского казачества в движении, с помощью художественных обобщений создать яркие индивидуальные и коллективные образы уральцев.

Для Короленко-очеркиста характерны следующие постоянные приемы: субъективность повествования, интерес к этнографической и бытовой детали, создание портрета героя, претерпевающего ряд трансформаций за отведенное ему художественное время, творческое переосмысление исторических событий.

Воплощая замысел «пугачевского» повествования, в цикле очерков «У казаков» Короленко активно использовал эскизность (очерковость). Главным образом это объясняется тем, что полную картину восстания автор хотел отобразить в романе «Набеглый царь». Очерки «У казаков» должны были послужить наброском к будущему романному произведению, которое так и осталось в планах писателя. Тем не менее читатель открывает для себя суровый колорит далекой эпохи в зримых, пластичных образах очерков «У казаков», представляющих неизвестные страницы летописи уральского казачества.

Список источников

1. Батюшков Ф. Д. В. Г. Короленко как человек и писатель. М.: Задруга, 1922. 124 с.
2. Григорьев Р. В. Г. Короленко. М.: Государственное издательство, 1925. 142 с.
3. Данюк А. Н., Щерблякин И. П. Редакторские принципы В. Г. Короленко (по материалам журнала «Русское богатство») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. I. С. 43-46.
4. Евстратов А. Н. Путевые очерки В. Г. Короленко в литературном процессе конца XIX века: монография. Уралск: Редакционно-издательский центр ЗКГУ им. М. Утемисова, 2012. 127 с.
5. Короленко В. Г. Письма. 1888-1921 / под ред. Б. Л. Модзалевского. Петроград: Время, 1922. 351 с.
6. Короленко В. Г. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1955. Т. 8. Литературно-критические статьи и воспоминания; Исторические очерки. 512 с.
7. Прянишников Н. Е. Писатели-классики в Оренбургском крае. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1970. 283 с.
8. Смелкова З. С., Ассуирова Л. В., Савова М. Р., Сальникова О. А. Риторические основы журналистики [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text3/84.htm> (дата обращения: 15.08.2017).
9. Фолимонов С. С. За тенью «набеглого царя». Из истории создания неоконченного романа В. Г. Короленко // Волга – XXI век. 2005. № 7-8. С. 179-192.
10. Фолимонов С. С. Пейзаж в творчестве В. Г. Короленко // Литература в школе. 2001. № 7. С. 2-9.

ARTISTIC SINGULARITY OF V. G. KOROLENKO'S ESSAYS "AT THE COSSACKS"

Saibulova Ardak Zhumabaevna
Zhaplova Tat'yana Mikhailovna, Doctor in Philology
Orenburg State University
ardak56@yandex.ru

The article is devoted to the study of the artistic singularity of V. G. Korolenko's essays "At the Cossacks", the features of their problems and poetics. Specificity of the presentation of the material in the so-called travel essay is considered from the point of view of the synthesis of artistic and publicistic principles typical for the given work, which enabling to interpret the documentary material creatively. The study of the essay "At the Cossacks" is based on a comparative-typological analysis, which allows involving a wide historical and biographical context: early sketches and variants, memoir and diary notes by Korolenko and his contemporaries. Particular attention is paid to the study of the sketchiness, fragmentariness of the narrative, relevant for the development of the Russian prose of the early XX century, contributing to the creation of both an individual and collective image of the Uralians.

Key words and phrases: V. Korolenko; essay; sketchiness; detailed elaboration; landscape; portrait; character; type; chronotope; interpretation.